

На правах рукописи

Хлынина
Татьяна Павловна

**Становление советской национальной
государственности у народов Северного Кавказа.
1917 – 1937 гг.: проблемы историографии**

07. 00. 09. – историография, источниковедение и
методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2003

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Развитие современного исторического знания представляет собой сложный и противоречивый процесс, в пространстве которого осуществляется взаимодействие различных направлений исследовательского поиска. Многообразие идейных представлений и теоретических подходов при этом обусловлено как внутренними проблемами самой исторической науки, так и общими процессами в интеллектуальной сфере, гуманитарном знании в целом.¹

Стремительное обновление многих ключевых положений современной историографии актуализировало и вопрос об отношении к предшествующему опыту освещения целого ряда проблем исторической науки. Значительную помощь в его переосмыслиннии может оказать историографический анализ, в котором находят свое отражение особенности формирования тех или иных направлений в историческом познании. В этом отношении представляется вполне своевременным обращение к историографии истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

Актуальность и познавательная значимость проблемы определяются рядом обстоятельств. С одной стороны, процесс становления национальных автономий относится к наиболее мифологизированным сюжетам российской истории. В его исследовании особенно отчекливо прослеживается воздействие официальной идеологии на формирование представлений о государственности нерусских народов. С другой – в становлении историографии самой проблемы обнаруживаются принципиальные расхождения между идеологией и историческим знанием в понимании природы и предназначения такого рода государственных образований.

Столь парадоксальное, на первый взгляд, положение имеет своим следствием восприятие национальной государственности народами региона в качестве безусловной и исторически выстраданной ценности. К сожалению, процесс влияния научной практики и вырабатываемых ею понятий на формирование самосознания различных народов еще не стал предметом специального исследования. Хотя именно он мог бы явиться серьезным подспорьем в понимании тех изменений, которые произошли в развитии народов СССР, в том числе и Северного Кавказа, в предыдущем столетии.

Таким образом, **научная актуальность** диссертационной работы обуславливается, прежде всего, теми возможностями, которые она предоставляет для понимания ряда вопросов, связанных с формированием и

Работа выполнена на кафедре истории России
средних веков и нового времени
Московского государственного областного университета

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор О.В. Волобуев

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Бугай;
доктор исторических наук, профессор С.В. Кулешов;
доктор исторических наук, профессор А.П. Рудь

Ведущая организация:
Кубанский государственный университет, кафедра
новейшей отечественной истории и социологии

Защита состоится 12 ноября 2003 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 155. 05 в Московском государственном областном университете по адресу: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 21-а, ауд. №

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета по адресу: г. Москва, ул. Радио, 10-а.

Автореферат разослан « » октября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.Б. Никитаева

¹ Репина Л. П. *Парадигмы социальной истории* в исторической науке XX столетия (обзор) // XX век: методологические проблемы исторического познания. В 2-х ч. М., 2001. Ч.1. С.70.

развитием отечественной историографии национально-государственного строительства в целом.

Историография проблемы. Тема диссертации не являлась предметом самостоятельного изучения. Однако отдельные аспекты историографии становления и развития автономий Северно-Кавказского края уже обсуждались в специальной литературе. Поскольку формирование историографии самой проблемы подробно исследуется в первой главе диссертации, представляется целесообразным в этой части автореферата ограничиться лишь изложением ее основных содержательных подходов. Следует отметить, что такого рода исследований в современной литературе не много. Практически все они, за редким исключением, ограничиваются пределами нескольких десятилетий и тематически распадаются на работы общей² и специальной направленности.³ При этом основной формой изучения проблемы до сих пор остаются либо отдельные статьи, либо главы в обобщающих работах, посвященных развитию исторического знания в целом.

Вплоть до недавнего времени историографические исследования, сопряженные с национальной проблематикой, более напоминали пространные комментарии к свершениям нерусских народов за годы советской власти. Основное внимание в них уделялось не собственно исследовательским достижениям, а скорее тому, каким образом в соответствующей литературе нашли свое выражение положения партии и правительства в разрешении национального вопроса в различных регионах страны.

Ситуация существенным образом не изменилась и в последние так называемые перестроечные и постперестроечные годы. Несмотря на то,

что в обсуждении данных вопросов появилось больше свободы и самостоятельности суждений, по-прежнему в формировании современной историографии самой проблемы идеологические соображения преобладают над потребностями научного анализа.

Достаточно показательным фактом для понимания внутренней логики развития данного направления исследований является наибольшая разработанность в нем вопросов, связанных с изучением последствий революционных потрясений и Гражданской войны в регионе. Указанная особенность объясняется длительно господствовавшими в отечественной науке представлениями о том, что процесс национального самоопределения народов начался непосредственно в ходе революции, и получил свое разрешение по окончании Гражданской войны. Такого рода представления обусловили собою и утвердившуюся в историографии практику рассматривать любые административно-территориальные преобразования, происходившие на Северном Кавказе, в качестве определенных мер по разрешению национального вопроса.

Данным обстоятельством объясняется и тот факт, что большинство специалистов ограничивает начальный этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе 1917 – 1936 годами, периодом наиболее интенсивных изменений, затрагивавших основы формирования автономных образований края. Поэтому далеко не случаен и повышенный интерес исследователей к обозначенному периоду времени. С его осмыслиением связаны практически все историографические наработки, существующие на сегодняшний день в литературе.

В целом, подводя итоги осмыслиения отечественной наукой процесса национально-государственного строительства в регионе, следует отметить, что в ней определены его основные направления, выявлена взаимосвязь происходивших изменений с официальной идеологией и национальной политикой, сделаны попытки «вписать» его в более широкий круг хозяйственных и культурных преобразований в стране. Вместе с тем, анализ историографии проблемы свидетельствует и об отсутствии в современной исследовательской практике специальных работ, в которых предпринимались бы попытки целенаправленного изучения обозначенной области исторического познания. Восполнить, по возможности, указанный пробел и призвана данная диссертационная работа.

Ее целью является выявление особенностей формирования и развития данного направления исторических знаний, определение ведущих тенденций в его развитии и дальнейших перспектив изучения национально-государственного строительства в первые по-революционные десятилетия на Северном Кавказе. Столь широкая, на первый взгляд, формулировка цели определяется актуальностью темы исследования и степенью ее

² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV; Куличенко М.И. Юбилейная литература о месте и роли национального вопроса в Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1969. №3; Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982; Историография национальных отношений в СССР. 1985 – 1987 гг. М., 1988; Национальные отношения в СССР: проблемы историографии. М., 1992; Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999 и др.

³ Берикетов Х. Г. Историческая наука на Северном Кавказе (1959 – 1963 г.). Нальчик. 1964; Бугаев А. М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917 – 1936 гг. // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1978; Музгаев М. И. К историографии Великой Октябрьской социалистической революции в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный. 1978. Вып. 1; Алексеев В. Я. К историографии национального строительства в автономных республиках РСФСР // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный. 1980. Вып. 2; Бугай Н.Ф., Кудюкова М. М., Хлынина Г. Н. Национальные проблемы в историографии российских автономий. 1988 – 1990 гг. // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992 и др.

разработанности в специальной исторической и правовой литературе. Достижение поставленной цели включает решение следующих задач:

1. На основе анализа сложившейся историографической ситуации определить конкретные обстоятельства и причины, приведшие к появлению данной проблематики исторических исследований.
2. Выявить внутреннюю логику становления данной проблематики как самостоятельной области исторического познания и проанализировать соответствующие ей теоретические представления о природе и сущности советской национальной государственности.
3. Рассмотреть основные взгляды исследователей на роль национальных движений и созданных под их воздействием политических и административных образований в процессе национально-государственного строительства в регионе.
4. Оценить уровень осмыслиения отечественными историками процесса становления советской национальной государственности на Северном Кавказе и его социально-экономических и культурных последствий.
5. Изучить сложившуюся практику исследования административно-территориальных преобразований в регионе, их причин и итогов.
6. Определить круг наименее изученных и неразрешенных проблем темы, а также наметить перспективы их дальнейшей научной разработки.

Объектом настоящего исследования стала историография национально-государственного строительства на Северном Кавказе, а ее **предметом** – взгляды отечественных исследователей на процесс становления советской национальной государственности и ее конкретные проявления в этом региона.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают собою исследования, появившиеся в 1920 – 2000 годы и тем или иным образом освещавшие проблемы начального этапа становления автономных образований у нерусских народов Северного Кавказа. В содержательном отношении анализ сфокусирован на 1917 – 1937 гг. Именно в этот период времени закладывались основы национально-государственных образований, определялись их административно-территориальные границы, особенности социально-экономического развития и правовой статус.

1917 год определялся подавляющим большинством специалистов в качестве нижней границы исследования данных процессов далеко не случайно. Выше уже отмечалось, что именно с революционными событиями связывалось и до сих пор связывается начало процесса национального самоопределения народов Северного Кавказа. Достаточно непривычным выглядит выбор верхней границы исследований. В отличие от своей нижней границы она не столь единодушно признается учеными. Многие из

них в качестве события, завершающего оформление национальных автономий называют принятие Конституции 1936 г. Однако более аргументированной выглядит позиция, согласно которой такой датой является 1937 г., в течение которого произошло последнее разукрупнение Северо-Кавказского и Азово-Черноморских краев с входившими в их состав национальными республиками в областями. Эта позиция принята в диссертационном исследовании.

Географические рамки исследуемых работ ограничены пределами национальных автономий Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Адыгеи. Данный выбор определился как общностью тех процессов национально-государственного строительства, которые происходили в рассматриваемых автономных образованиях, так и теми особенностями, что отличали их от аналогичных процессов у других народов региона. В силу указанных обстоятельств в диссертации не рассматривается история становления национальной государственности народов Дагестана, имеющая свою специфику.

Теоретико-методологической основой диссертации послужил ряд основополагающих принципов проведения исторического исследования: принципы историзма и научной объективности, проблемно-хронологический подход к анализируемым историографическим явлениям и фактам. Их применение позволило рассмотреть формирование и становление проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в ее генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальных проявлениях; оценить уровень разработанности ее отдельных сюжетов и направлений; отобрать наиболее значимые для понимания сути самой проблемы историографические положения. В диссертации широко используются принцип дополнительности и многоаспектический подход для получения полновесного знания о том или ином рассматриваемом вопросе.

Основными историографическими источниками при написании диссертации явились опубликованные статьи и монографии, как общетеоретического, так и конкретно-исторического характера, посвященные различным сторонам рассматриваемой проблемы. В соответствующих главах диссертационного исследования содержится их подробный анализ. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным ограничиться во введении изложением лишь основных принципов их отбора, содержательного анализа и «встроенности» в общую структуру работы.

Используемые работы, как правило, однотипны в тематическом отношении и до некоторой степени сходны по методике раскрытия поставленной проблемы. Подобная схожесть позволила определить основные исследовательские приоритеты в изучении процесса национально-государственного строительства в регионе, выявить базовые историогра-

фические положения и предложенную учеными систему их аргументации. В соответствии с ними выделяются четыре группы исследований, в которых находят отражение практически все анализируемые сюжеты рассматриваемой проблемы.

Первая группа включает в себя работы, охватывающие общие проблемы национально-государственного строительства в регионе и их отражение в отечественной историографии. К ним относятся теоретические вопросы советской национальной государственности, сопряженные с формированием основных понятий темы и подходов к ее изучению. Содержательно они в свою очередь распадаются на две подгруппы исследований, с каждой из которых связаны определенные традиции понимания и толкования исторического предназначения национальной государственности и ее социально-правовой сути.

Одна из них представлена трудами первого поколения советских правоведов, исходящих из твердой убежденности в том, что «национальные» республики, области и округа являются производными формами советской автономии. Историческая сущность такого рода образований сводилась ими к реализации ряда, прежде всего, политических и хозяйственных задач советской власти.⁴ Следующая разновидность исследований, связанная с разработками преимущественно профессиональных историков, напротив, квалифицирует их как самостоятельные государственные образования, вызванные к жизни потребностями развития самих народов.⁵

Источники вышеозначенной группы являются ключевыми для уяснения внутренней логики развития историографии рассматриваемой проблемы. Поскольку заложенные в них теоретические представления стали той основой, раскрытию которой посвящены разнообразные конкретные исследования становления национальных автономий в регионе.

Вторую группу составили работы, проясняющие предпосылки формирования советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, причины многообразия ее различных форм, их эволюции и особенности правового положения. Она достаточно обширна в количестве.

⁴ Дурденевский В. Н. На пути к русскому федеративному праву // Советское право. 1923. №1 (4); Архипов К. А. Типы советской автономии (Из очерков по автономно-федеративному строительству советских республик) // Власть Советов. 1923. №8–9; он же. Советские автономные области и республики. М., 1925; Гуревич Г. С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М., 1924; Котляревский С. А. Правовое положение автономных республик // Советское право. 1925. № 6 и др.

⁵ Тадевоян Э. В. Советская национальная государственность. М., 1972; Коркмасова К. Д. Национально-государственное устройство СССР. Ростов – на – Д., 1984; Зиманов С. З., Рейтор И. К. Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства. Алма-Ата, 1987; Коваленко А. И. Теоретические проблемы советской национальной государственности (логический способ исследования). Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 1989 и др.

венном отношении и позволяет выделить наиболее разрабатываемые и, вместе с тем, спорные проблемы. К ним следует отнести роль национальных движений северокавказских народов вобретении ими собственной государственности; значение первых советских республик и несоветских административно-территориальных образований в последующем национально-государственном строительстве на Северном Кавказе; в частности, место Горской АССР в решении национального вопроса в регионе.

Практически все исследования, рассматриваемые в этой группе, так или иначе, связывают развернувшееся в крае уже в ходе Гражданской войны национально-государственное строительство с осуществлением «ленинской национальной политики». По мнению большинства ученых, ее результатом и явились различные по своему правовому статусу формы административно-территориальной и политической автономии народов региона.⁶ Вместе с тем, в последние десятилетия благодаря значительным изменениям, которые произошли в теории исторического познания, появилась и иная позиция, сторонники которой исходят из признания того факта, что революция активизировала деятельность, прежде всего, национальной элиты северокавказских народов.⁷

Автор настоящего исследования полагает, что вплоть до 1920 г. любые попытки самоопределения следует рассматривать лишь как региональные объединения народов, вызванные условиями революционного хаоса и гражданского противоборства в стране. Непосредственно о целенаправленном процессе создания национальной государственности представляется возможным говорить лишь по завершении Гражданской войны в регионе.

Не менее противоречивой остается и ситуация в области понимания современной историографией соотношения проблем национально-государственного строительства и роли в нем первых советских республик

⁶ Бербеков Х. М. Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961; Врублевский Ф. И. Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964; Кониев Ю. А. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969; он же. Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1973; Абулова Е. А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе // Создание и развитие национальной государственности народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1977 и др.

⁷ Озова Ф. А. Социальная политика советской власти на Северном Кавказе. 1918 г. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1992; Хлынина Т. П. Адыги в системе международных отношений на Северном Кавказе. 1921 – 1924 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1993; Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: Истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999; Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000 и др.

и несоветских образований горских народов региона. При этом следует отметить тот факт, что если история советских форм государственности является традиционным и наиболее разрабатываемым сюжетом отечественной историографии, то интерес к ее альтернативам вплоть до недавнего времени носил сугубо идеологический характер.

К третьей группе относятся исследования, отражающие процессы административно-территориального и национально-государственного переустройства северокавказских автономий, их экономического и культурного развития. В ней также значительное место уделяется вопросам роли центральных органов власти в становлении и укреплении национально-государственных образований на Северном Кавказе. Рассматривается деятельность Наркомнаца, Совета Национальностей при Президиуме ВЦИК, различных представительств национальных автономий.

Обращает на себя внимание некоторая тематическая диспропорция в сюжетном распределении работ этой группы. Наибольшее их число приходится на исследования организационных и социально-экономических аспектов национально-государственного строительства. Менее исследованными остаются вопросы административно-территориального устройства и его влияния на процессы межнационального взаимодействия народов региона.⁸

Практически неизменными остаются достижения отечественной историографии в области социально-экономического и культурного развития северокавказских народов. Они фактически сводятся к констатации количественных показателей развития народов в различных отраслях экономики и культуры, и ограничиваются сравнением с их предшествующим состоянием. Достаточно высокой остается оценка современными исследователями организационной и материально-производственной помощи, оказывавшейся национальным автономиям советским правительством и краевыми органами власти. Однако в последние годы акценты переместились с пыткания ее количественных объемов на изучение действенности и эффективности конкретных форм этой помощи.

Четвертая группа исследований включает в себя работы, связанные с образованием Северо-Кавказского края и положением в его составе национальных автономий.

Специальных исследований, посвященных созданию краевого объединения, в современной историографии до сих пор не было. Отдельные

⁸ Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994; Тютюнина Е. С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917 – 1941 гг. Майкоп, 1995; Кажаров А. Г. Карбада и Балкарья в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2000.

сюжеты, связанные с административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа и соответствовавшие им изменения в административно-территориальном устройстве автономий, нашли свое отражение в различных работах. В зависимости от принадлежности к тому или иному исследовательскому направлению в них достаточно отчетливо прослеживаются различия в оценках причин и характера проводившихся в регионе преобразований. Исследования «общероссийской» ориентации таковыми называют хозяйственные потребности советской власти и зачастую связывают неэффективность проводившихся мероприятий с необходимостью гарантирования «особых» прав национальным автономиям.⁹ Работы «региональной» ориентации, напротив, увязывают их с необходимостью дальнейшего развития самих автономий, а неудачи реформы районирования относят к недостаточному учету их потребностей.¹⁰

Приоритетными направлениями в этой группе являются вопросы административно-территориального размежевания в связи с этногеографическими границами расселения. Специалисты отмечают, что в процессе осуществления реформы районирования произошли значительные территориальные изменения в составе автономий. Они, несомненно, привели к их экономическому усилению, но в то же время заложили предпосылки ряда современных конфликтов в регионе.¹¹

Наряду с тематической классификацией используемых историографических источников в диссертации предложена и их жанровая классификация. В соответствии с ней выделяется несколько групп работ. Каждая из них соответственно представлена исследованиями профессиональных историков, правоведов и этнологов. Исторические работы, в свою очередь, подразделяются на исследования, выполненные в центральных и региональных научных учреждениях, а также на труды обобщающего и кон-

⁹ Нечипурнова Н. С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968; Эбзесева С. Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976; Абулова Е. А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917 – 1937 гг. Ростов – на – Д., 1984; Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994 и др.

¹⁰ Летифов А. Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972; Мекулов Д. Х. Национально-государственное строительство Адыгейской автономной области // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917 – 1941 гг. Майкоп, 1995; Потоков Н. П. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 20 – 30-е годы XX века. Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2000 и др.

¹¹ См., например: Дирикова И. Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920 – 1930-е годы. Дисс... канд. ист. наук. М., 1997.

крестно-фактологического характера. В качестве самостоятельного предмета изучения выделяются также научно-публицистические работы, создатели которых зачастую являлись непосредственными участниками отображаемых событий и приурочивали выход своих трудов к определенным юбилейным датам. Применение данной классификации наглядно продемонстрировало, с одной стороны, сюжетные предпочтения и исследовательские возможности каждой из дисциплин в изучении национально-государственного строительства на Северном Кавказе, а с другой, позволило определить перспективы их сотрудничества. Вместе с тем, она достаточно отчетливо отразила взаимосвязь между степенью разработанности той или иной проблемы и привлекаемыми для ее разрешения историческими источниками.

Формирование источниковой базы проблемы национально-государственного строительства в регионе происходило одновременно со становлением ее историографии. Первоначально она складывалась из документов официального происхождения, представленных выступлениями, статьями и речами непосредственных участников, руководителей советского государства и национальных автономий в регионе. Затем, по мере создания центральных и региональных архивохранилищ, в научный оборот стали вводиться разнообразные документальные свидетельства, количественное и видовое расширение которых, в конечном итоге, превратилось в самоцель исторических исследований.

Как свидетельствует проведенный соискателем анализ, практически все работы по национально-государственному строительству на Северном Кавказе выполнены на однотипной источниковой основе, включающей в себя документы общероссийских и местных партийных и советских организаций, извлеченных из фондов центральных и региональных архивов; периодических изданий 1920 - 1930-х гг.; опубликованных свидетельств личного происхождения, сборников тематических документов и материалов.

Наиболее используемыми и разрабатываемыми оказываются фонды Народного Комиссариата по делам национальностей, Административной Комиссии ВЦИК, представительств автономных образований, Президиума ВЦИК Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); Юго-Восточного (Северо-Кавказского) бюро РКП (б) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также фонды областных исполнительных и партийных комитетов региональных архивохранилищ. Гораздо менее задействованными остаются личные фонды руководителей национально-государственного строительства в регионе К. Г. Орджоникидзе и И. В. Сталина (РГАСПИ), а также Национальной комиссии Северо-Кавказского крайисполкома, в основном «осевшего» в хранилище документов новейшей истории Ростовской об-

ласти. Обращает на себя внимание и недостаточное использование исследователями материалов региональных архивов: во многих из них собраны уникальные документы о деятельности всевозможных общественных и политических организаций периода образования национальных автономий. Их комплексный анализ позволил бы выявить динамику восприятия массовым сознанием предназначения национальной государственности, а также связанных с ее существованием социально-экономических и политических проблем.

В данной связи достаточно показательным является тот факт, что в использовании фондов различных архивов наблюдается своеобразное «географическое» разделение: исследователями центральных научных учреждений в большей мере задействуются документы общероссийских архивов, в то время как представители регионов по преимуществу разрабатывают фонды местных архивохранилищ. Однако и в тех случаях, когда ими вводятся «центральные» источники, они по преимуществу носят несистематический характер и в зависимости от теоретических предпочтений исследователей либо иллюстрируют происходившие в регионе события, либо противопоставляются им. Аналогичная ситуация складывается и с привлечением региональных архивных материалов, которые все чаще начинают использоваться специалистами Центра.

По прежнему сохраняется интерес исследователей и к периодическим изданиям того времени. В научный оборот введены материалы таких центральных средств массовой информации, как «Жизнь национальностей», «Революция и национальности», «Власть Советов» и «Административный вестник». Представляя различные ведомства, они отражали различные аспекты внутренней жизни автономий и их правовое положение. Ценность такого рода источников в настоящее время подчеркивается практически всеми специалистами, которые соотносят ее с «непосредственной реакцией того времени и олицетворявших его людей». Наряду с центральными изданиями в работах, выполненных на материалах конкретных автономий, широко представлена региональная и собственно местная периодика. К активно разрабатываемым региональным средствам массовой информации следует отнести такие партийные органы, как «Революция и горец», «Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б)», «Советский Кавказ» и «Коммунист». В отличие от своих центральных аналогов, они больше внимания уделяли состоянию дел «на местах» и нередко содержали критику принимаемых решений и действий центральной власти. Гораздо реже историками используются материалы северокавказских эмигрантских центров, многие страницы которых посвящены анализу советской национальной политики.

Характерной особенностью последнего времени является падение интереса исследователей к тематическим подборкам и сборникам докумен-

тов, а также когда-то опубликованным воспоминаниям участников и современников событий того времени. В содержательной части диссертации обозначенная ситуация анализируется подробным образом и отмечается, что одной из ее основных причин оказался сам «режущий» принцип их подборки и публикации.

Историки оказываются весьма консервативными и в выборе источников: ими крайне редко используются правовые нормативные документы, материалы собственных полевых исследований и наблюдения смежных социально-гуманитарных дисциплин. Прослеживается привязанность многих из них к ленинскому идеиному наследию, которое в силу ряда причин стало использоваться без упоминания имени основоположника. Введение в научный оборот ранее неизвестных документов мало что меняет в сложившейся картине самого процесса национально-государственного строительства в регионе. Правда, в последнее десятилетие именно открытие нового пласта архивных источников позволило специалистам отказаться от ранее незыблемых представлений о беспроблемном развитии национальных отношений в нашей стране.

Публикации архивных документов последнего времени, их сюжетное разнообразие, а также предпринимающиеся попытки создания электронных баз данных по этническим конфликтам свидетельствуют о том, что в изучение межэтнических отношений и национальной политики наступает качественно новый этап.¹² Он связан не столько с видовым обновлением традиционно используемых историками документов, сколько с изменением методики их анализа. Основное внимание в ней начинает уделяться скорее не объективным показателям, а субъективным факторам и обстоятельствам. В этом отношении дальнейшее развитие источниковской базы процессов национально-государственного строительства на Северном

¹² Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сб. документов. Нальчик, 1992; Русские на Северном Кавказе. 20 – 30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1996; Цуцис А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы. 1780 – 1995. Владикавказ, 1997; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов-на-Д., 1997; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. документов. Нальчик. 2000; Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII. Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918 – 1924 гг.: Каталог документов. М., 2001; Катагора Л., Куприянов А., Федотова М., Давидян И. Протоэтнические и этнические конфликты в Российской империи. 1861 – 1917 гг. База данных // Проект «Электронные публикации в сфере культуры и гуманитарных знаний» за 2001 г.; Зубкова Е., Константинов С., Люшин Д., Филиппова Т. Этнические конфликты в СССР. 1917 – 1991 гг. База данных // Проект «Электронные публикации в сфере культуры и гуманитарных знаний» за 2001 г. и др.

Кавказе будет определяться и современными представлениями о месте и роли исторического документа в постижении прошлого.

Таким образом, структура диссертационной работы вмещает в себя с одной стороны, наиболее разработанные направления и сюжеты темы, а с другой – дискуссионные и слабо аргументированные вопросы национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первым исследованием, специально посвященным изучению отечественной историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Конкретные результаты диссертации сводятся к следующему:

- впервые в современной исследовательской практике выявляется взаимосвязь между развитием исторического знания в целом и формированием историографии рассматриваемой проблемы;
- подробно анализируется процесс становления историографии проблемы, выделяются основные этапы ее развития;
- определяются особенности историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе, сводящиеся к выделению в ней двух исследовательских направлений, условно обозначенных как «общероссийское» и «региональное»;
- раскрывается причинно-следственная взаимосвязь между основными понятиями, используемыми специалистами в области национальной политики и национально-государственного строительства, и положением дел в регионе в рассматриваемые периоды проведения исследований по данной тематике;
- выявляется основной круг наиболее разрабатывавшихся вопросов темы, составляющих ее содержание, идается объяснение сложившейся историографической ситуации;
- устанавливается взаимосвязь между уровнем разработанности отдельных аспектов проблемы, состоянием ее источниковой базы и изменениями, происходящими в развитии исторического знания и современного общества;
- предлагается авторский подход к пониманию процесса становления советской национальной государственности на Северном Кавказе и интерпретации внешней и внутренней логики его развития.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее основные положения и выводы позволяют восполнить существующий в современной исторической науке пробел в изучении историографических аспектов национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Ее результаты могут быть использованы в разработке учебных курсов по истории, соответствующих спецкурсов, написании специальных и обобщающих историографических трудов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены соискателем в выступлениях на 22 международных, всероссийских и региональных научных конференциях, проблемных семинарах и чтениях, они нашли отражение в 3 монографиях и ряде статей. Общее число публикаций по теме диссертации составляет 46 работ.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации определяется как логикой развития историографии самой проблемы, так и ее задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются ее цели и задачи, обосновываются хронологические и географические рамки работы, излагаются основные принципы методологии, историографического и источниковедческого анализа, оцениваются ее научная значимость и новизна предлагаемого соискателем подхода к теме.

Содержание первой главы работы – «Общие проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе и их отражение в отечественной историографии» – посвящено анализу процесса становления и развития данного направления исследований. В главе отмечается, что проблема эволюции национальной исторической мысли в отечественной историографии остается практически перазработанной. Тем не менее, общие условия формирования исторической науки в стране, внутренние принципы ее саморазвития позволяют решить ряд вопросов, связанных со становлением ее отдельных сюжетов и направлений. В этом отношении изучение советской национальной государственности на Северном Кавказе демонстрирует как приверженность основным закономерностям историографического жанра, так и свидетельствует о некоторых его особенностях.

В частности, существенную трудность представляет собою определение этапов в развитии самой историографии проблемы. Отсутствие тематического разнообразия и сходное решение поставленных задач делают достаточно условными границы между 1920 – 1930 годами и периодом 1940 – 1950 годов. Не менее условным является и рубеж, отделяющий историографию 1960 – 1980-х годов от ее современного этапа. Обращает на себя внимание и недостаточный интерес северокавказской историографии к вопросам теоретического характера, за исключением тех общепринятых штампов, которые сопровождали собою каждую работу по вопросам национально-государственного строительства. Более того, в ее развитии

слабо просматриваются и те особенности, которые отличали бы региональное понимание проблемы от общероссийского.

Вместе с тем, ряд обстоятельств формирования историографии рассматриваемой проблемы, позволил автору выделить в ее развитии два исследовательских направления, в рамках которых и происходило осмысление конкретных сюжетов национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Их содержание и границы определяются как основными общеметодологическими принципами и проблематикой исследований, так и соотношением в них «общероссийской» и «регионально-национальной» точек зрения. Их наименования весьма условны и отражают не столько географическое местопребывание исследователя или его национальную принадлежность, сколько понимание им природы и сущности происходивших в те годы на Северном Кавказе преобразований. В данной связи представляется возможным выделить следующие этапы в развитии историографии проблемы.

Первый этап охватывает 1920 – 1930-е годы и характеризуется преобладанием «национально-региональной» точки зрения на природу и содержание процессов становления автономных образований на Северном Кавказе. В течение двух первых пореволюционных десятилетий историки региона сохраняли некоторую самостоятельность в осмыслении и оценке событий того времени.

Второй этап, который приходится на 1940 – 1950-е годы, знаменует собою падение интереса исследователей к разработке проблем национально-государственного строительства в регионе и преобладанием работ «общероссийской» направленности.

С третьим этапом, начавшимся в 1960-е годы и продолжавшимся до 1990-х годов, связано появление наибольшего количества исследований. детально разрабатывавших вопросы образования и развития национальных автономий, теоретического обоснования их правовой и социальной природы. Его отличительной особенностью следует признать тот факт, что изучение проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе перешло к региональным научным центрам при сохранении «общероссийской» исследовательской традиции в ее понимании

В 1990-е годы начинается процесс переосмысливания многих ключевых положений проблемы. Наиболее радикальными оказались историки Центра, которые предложили новое обоснование самого национально-государственного строительства и природы национальных автономий в целом. В региональной историографии, сохраняющей по преимуществу фактографический характер, пересматриваются лишь отдельные положения и сюжеты ставшей в последние десятилетия идеологически острой темы. При этом ее острота в понимании просчетов и неудач развития го-

сударственности народов региона в прошлом обусловлена больше политическими соображениями, нежели научными обстоятельствами.

На протяжении всего своего развития историография данной проблемы испытывала воздействие тех теоретических положений, которые были выработаны отечественной историко-правовой мыслью, и определяли собою результаты конкретных исследований. Речь идет, прежде всего, о понятии «советской национальной государственности». В диссертации подчеркивается, что оно принадлежит к специально созданным понятиям, а его появление обосновывается как реальным фактом существования самих автономных образований, так и практической потребностью объяснить их отличие от других форм административно-территориального устройства страны.

Подводя итоги анализа основополагающих понятий, которыми пользуется современный исследователь рассматриваемой проблемы, следует обратить внимание на одно примечательное обстоятельство. Очень многие трудности познавательного характера сопряжены, прежде всего, с неопределенностью в отечественной историографии таких ключевых понятий как нация и этничность. Именно они лежат в основе современных научных представлений о сущности и характере национально-государственного образования и тесно с ним связанного процесса национально-государственного строительства. Их смешение или расширительное толкование приводят к своеобразному пониманию природы и предназначения первых автономных образований, а также их последующего преобразования в национальную государственность.

В этом отношении представляется далеко не случайным утверждавшееся в отечественной правовой мысли 1920 – 1930-х годов понятие национальной автономии (работы К. А. Архипова, Г. С. Гурвича, В. Н. Дурденевского, С. А. Котляревского). В нем абсолютно верно определялся объем полномочий и законодательных возможностей самоуправляющихся частей Российского государства. Представляется, что их последующее расширение никак не было связано с «оформившимися в годы советского строительства нациями». Более того, появление в 1960-е годы нового термина «советская национальная государственность», скорее всего, отражало процессы хозяйственно-политического развития народов, нежели уровень их национального самоощущения (исследования А. В. Радвогина, А. И. Коваленко, Э. В. Тадевосяна, К. Д. Коркмасовой). Поэтому при сопоставлении данных понятий речь должна вестись лишь о разных формах самостоятельности, а не о принципиально различных типах национально-государственного устройства.

На необходимость более осторожного употребления таких понятий как нация и национальная государственность указывают многие современные исследователи. Наиболее последовательным сторонником данного

подхода является В. А. Тишков. В частности, он отмечает, что «ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группы людей, как типа этнической общности не представляется возможным».¹³

Исследовательский интерес к национальной проблематике инициируется все больше существующим положением дел в регионах страны. А между тем, его истоки непосредственно связаны и с теми научными представлениями, краеугольным камнем которых на протяжении многих лет оставалась теория национальной государственности. Ведь очень часто «неадекватная научная доктрина, перейдя в сферу практики», вызывает к жизни различного рода негативные явления.¹⁴ Примером тому может служить и эволюция советской национальной автономии-государственности, во многом определявшаяся ее теоретическим осмыслением.

Во второй главе – «Историография предпосылок формирования советских национальных автономий на Северном Кавказе» – анализируются основные исследовательские положения, отражающие представления историков о той роли, которую сыграли в процессе национально-государственного строительства национальные движения и созданные под их воздействием государственные образования.

Историографическое осмысление событий 1917 г. в национальных регионах страны началось уже в первое послеоктябрьское десятилетие. Именно в те годы закладывались основы и традиции их изучения, а появившиеся тогда представления об «интернациональной сущности первой в мире социалистической революции» определили собою основные исследовательские направления в этой области. На протяжении многих десятилетий профессиональный интерес историков к участию нерусских народов в революционном движении обосновывался необходимостью «выявления глубинных корней революционного процесса, его общих закономерностей и особенностей».¹⁵ Исходя из них, исследователи оценивали степень «пролетарской зрелости» и «классовой сознательности» трудящихся национальных регионов страны, их готовности к участию в социалистическом строительстве.

Подобные установки создавали крайне упрощенный и, по большей части, неверный национальный образ российской революции. Категории классового анализа, применяемые историками к осмыслению рево-

¹³ Тишков В. А. Народ, нация, государственность // Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С.17.

¹⁴ Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России в XX в.: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С.43.

¹⁵ Гутов Р. Х., Козлов А. И., Этенко Л. А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988. С.219.

люционных процессов того времени, плохо срабатывали на материале национальных регионов и порождали не соответствовавшие действительности представления об уровне социально-экономического и политического развития их народов. Более того, они лишали историков возможности сосредоточить свои усилия на разработке социально-психологических причин и конкретных обстоятельств, обусловивших выступления народов на стороне советской власти или ее идейных противников. Содержательному углублению рассматриваемой проблемы препятствовало и ее восприятие исключительно в качестве неотъемлемой части национально-освободительного движения народов, которое, по признанию большинства исследователей, имело «громадное значение для победы советской власти в национальных районах страны».¹⁶

Обращает на себя внимание и сложившаяся традиция изучения такого рода движений в тесной связи с подготовкой и проведением Октябрьской революции. В этом отношении не являлись исключением и северокавказские национальные движения, историография которых, как правило, оказалась представленной исследованиями по «истории Великого Октября и защиты его завоеваний». По свидетельству современного исследователя, «историография Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе очень богата, но львиная доля ее сегодня, разделив участь всей советской исторической науки, ждет переоценки с новых методологических позиций».¹⁷

В последние десятилетия интерес историков к национально-освободительному движению народов революционного времени приобрел несколько иную направленность. В связи с общим изменением интеллектуальной атмосферы в исторической науке у исследователей появилась возможность более широкого и непредвзятого изучения самой проблемы. Достаточно перспективным представляется предложение дагестанского историка М. А. Магомедова рассматривать ее в процессе взаимодействия двух крайне непохожих цивилизаций – русско-православной и горско-мусульманской.¹⁸

Вместе с тем, большинство исследователей пытается найти истоки политической активности нерусских народов в стремлении к обретению собственных национальных образований. Едва ли такая историографическая позиция могла бы быть названа новой, если бы ни одно примечательное обстоятельство. Историки все чаще начинают обращать внимание на отсутствие в послевербальской России стремления большинства народов

¹⁶ Козлов А. И., Хмелевский К. А., Этепко Л. А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. №10. С.42.

¹⁷ Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. №6. С.81.

¹⁸ Там же.

к территориальному обособлению. По заключению В. П. Булдакова, одного из самых активных сторонников этой точки зрения, «падение самодержавия породило в России особую разновидность лексически-доктринального абсурда: все нерусские народы стали считать себя «национациями» – это была возвышающая антитеза былой угнетенности. При этом не принималась во внимание ограниченная способность народов воспользоваться самоопределением».¹⁹

Кризис общероссийской власти и ее неспособность обеспечить элементарный порядок вызвали к жизни различные формы проявления политической активности народов. Такими формами на Северном Кавказе стали Союз горцев Кавказа, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, Горская республика. На протяжении многих десятилетий советская историография видела в них лишь «классовую консолидацию буржуазно-националистических сил», направленных на борьбу с революцией. В последние годы начинает переосмысливаться и сама природа данных организаций, и вызвавшие их к жизни конкретные обстоятельства.²⁰

Таким образом, в осмыслении проблемы участия северокавказских народов в революции 1917 г. обозначились определенные изменения. В отличие от своих предшественников, современные исследователи не склонны к восприятию всех форм социально-экономической и политической активности нерусских народов того времени в терминах классовой борьбы. Более того, в работах последнего времени практически не встречается и самого понятия «национально-освободительное движение народов». Пересматриваются традиционные оценки различных военно-политических и просто политических организаций горских народов. По-новому толкуются и причины, побудившие народы «втянуться» в мало понятные им революционные преобразования.

Предметом всестороннего изучения становятся сложные процессы «надклассовой» консолидации горского населения в условиях революционного времени, восприятия им происходивших событий и влияния этого восприятия на последующие процессы национального самоопределения народов. Все чаще в качестве фактора, провоцировавшего рост политической активности северокавказских народов, историки называют неспособность центральной и местных властей справиться с охватившей страну анархией.

¹⁹ Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. №1. С.35.

²⁰ Почешков Н. А. Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп. 1999. Вып. 2. С.37.

Одной из дискуссионных проблем в осмыслении национально-государственного строительства на Северном Кавказе по-прежнему остается вопрос о той роли, которую сыграли в процессе его развертывания и осуществления первые советские республики. Созданные в ходе ожесточенного военного противоборства Кубано-Черноморская, Терская и Северо-Кавказская республики явились по существу первым опытом взаимодействия населявших их народов в послереволюционной России. Несмотря на кратковременность своего существования и достаточно прагматичные цели образования, они, тем не менее, свидетельствовали о начавшемся советском строительстве в регионе. Оно потребовало учета и тех специфических особенностей, которые отличали его многонациональное население. По свидетельству исследователей, административные автономии того времени возникали по инициативе правительства и в основном явочным порядком. Причинами их появления чаще всего оказывались «экономические, бытовые, культурные, религиозные, языковые особенности региона, удаленность от столицы и вызванная этим сложность связи с центром страны».²¹

В свое время А. М. Бугаев, обращаясь к историографии национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, отметил присущие ей две основные точки зрения на начало развития советской национальной государственности в регионе. Одна из них, названная историком традиционной, связывала его с Терской автономной республикой, вторая – относила его к появлению национальных округов, входивших в состав Горской АССР.²² Вместе с тем, в оценках деятельности руководства Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик историками нередко подчеркивалась и та роль, которую они сыграли в национальном самоопределении горских народов Кубани и Северо-Западного Причерноморья.

В оценках политической природы советских республик все чаще стали подчеркивать вынужденный и чрезвычайный характер обстоятельств, вызвавших их к жизни.²³ Анализируя процесс утверждения советской власти в крае, современные исследователи приходят к выводу, что оценивать

²¹ Сенцов А. А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С.200.

²² Бугаев А. М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917 – 1936 гг. // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сб. статей. М., 1978. С.129, 134.

²³ Озова Ф. А. Северо-Кавказская республика: причины возникновения и ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917 – 1941 гг. Майкоп, 1995. С.47.

советские республики как первый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе едва ли представляется возможным.²⁴

Вместе с тем, в новейшей отечественной историографии находят продолжение и те положения, которые обосновывались исследователями в предыдущие годы. Многие историки, отмечая зависимость национальной политики советского государства от решаемых им конкретных задач, указывают и на бесспорные достижения в этой области. По-прежнему положительно оценивается опыт первых советских республик региона по «привлечению на сторону советской власти как можно в более короткие сроки местного населения».²⁵

Таким образом, анализ историографической практики свидетельствует о том, что интерес исследователей к осмыслению той роли, которую сыграли первые советские республики в обретении народами Северного Кавказа собственных национальных образований, имел определенную логику своего развития. Она не всегда обуславливалась сугубо научными потребностями, но, как правило, отражала общую ситуацию в понимании специалистами самого процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Его начальным рубежом многими из них виделась коллективная автономия народов Терской республики, а роль Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик расценивалась в качестве приобретения перусскими народами первого опыта советского строительства.

История образования и развития Горской автономной республики привлекает внимание исследователей на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем, сам факт ее существования, причины возникновения и ликвидации не получили в отечественной историографии однозначной оценки. События того времени и связанные с ними процессы национально-территориального размежевания народов Северного Кавказа позволили не одному поколению исследователей видеть в ней первый опыт многонациональной автономии, создавшей возможность горским народам разрешить остройшие социально-экономические и национальные противоречия того времени.²⁶

Горская республика продемонстрировала и возможности успешного преодоления сугубо хозяйственных проблем, и практическую безуспешность безболезненного разрешения вопросов территориального характера. Между тем, «в силу своего специфического положения Горская республи-

²⁴ Озова Ф. А. Указ. соч. С. 57

²⁵ Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). С.87.

²⁶ Даудов А. Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920 – 1924 гг. Проблемы национально-государственного строительства. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л. 1984. С.13.

ка строилась на территориальной, а не национальной основе. Она не носила название, соответствующее преобладающей по численности нации, как другие республики».²⁷ Данное обстоятельство как раз и послужило поводом к весьма противоречивой оценки и самой автономии и причин ее образования. Как правило, последние связываются исследователями либо с конкретной военно-политической ситуацией в регионе (Ш. Х. Масаев, Н. Ф. Бугай), либо с необходимостью вовлечения народов в процесс советского строительства (Ю. И. Конев, Р. Х. Мулукава, Е. А. Абулова).

Не менее противоречивой остается и оценка причин упразднения республики. В современной историографии указывается в основном на две из них. Одна причина сводится исследователями к задачам совершенствования системы государственного управления в регионе и социалистическим преобразованиям на Кавказе. Образование Северо-Кавказского края, которое завершило курс на создание единого административного региона, делало ненужным существование и сохранение Горской АССР (А. Х. Даудов). Другая, представленная трудами кабардинских историков, сводится к сложностям территориальных взаимоотношений народов, входивших в состав республики.²⁸

В третьей главе – «Исследования по истории национально-государственного развития северокавказских автономий» – рассматривается процесс осмысливания в историографии становления советской национальной государственности в регионе, включая роль в нем конкретных ведомств и отдельных руководителей, и социально-экономического и культурного развития автономий.

Процесс становления советской национальной государственности, получивший в специальной литературе название национально-государственного строительства, принадлежит к тем сюжетам отечественной историографии, интерес к которым не ослабевает вот уже на протяжении более полувека. Разнообразные аспекты обретения народами России собственных государственных образований находят отражение и в не менее разнообразных (в жанровом и содержательном отношениях) исследованиях. Тем не менее, проблемы освещения и оценки национальной политики большевиков и проведенного ими национально-государственного строительства в первые годы советской власти по-прежнему остаются одними из ключевых и наиболее спорных проблем новейшей истории нашей страны.²⁹

²⁷ Там же. С.62.

²⁸ Кажаров А. Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа. (1918 – первая половина 1920-х гг.). С.15.

²⁹ Козлов В. П. Предисловие // Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII. Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918 – 1924 гг.: Каталог документов. М., 2001. С.5.

Содержание и идеологическая направленность такого рода автономных образований, как правило, были подчинены задаче становления и упрочения новой власти. Однако под воздействием целого ряда обстоятельств – хозяйственной разрухи, резкого падения жизненного уровня населения, несформированности классового сознания у подавляющего большинства народов – конкретные мероприятия в области национально-государственного строительства нуждались в целенаправленном и адресном руководстве. Завершение Гражданской войны и политическая победа партии большевиков явились теми знаковыми событиями, которые свидетельствовали о начавшемся процессе централизации во всех областях жизни советского общества. Не стало исключением в этом отношении и национально-государственное обустройство народов Северного Кавказа.

Историографическое осмысливание процесса становления советской национальной государственности на Северном Кавказе сопряжено и с анализом той роли, которую сыграли в нем центральные органы государственной власти и управления. В ее изучении сложились определенные направления научного поиска, приоритетные сюжеты и методы их разработки. Детально исследованы история становления и деятельности Народного комиссариата по делам национальностей, института национальных представительств и Северо-Кавказского революционного комитета как непосредственных организаторов и проводников советского и национально-государственного строительства в регионе.

В литературе отмечается та огромная организационная, материально-техническая и финансовая помощь, которая была оказана центральными учреждениями и ведомствами страны в начальный период становления советских национальных образований на Северном Кавказе. Вместе с тем, постепенно пересматривается роль отдельных советских и партийных руководителей в процессе осуществления национально-государственного строительства, соответствие его основных задач возможностям самих народов региона. Расширяется источниковая база осмысливания национальной политики советского государства и ее отдельных направлений. К сожалению, до сих пор в литературе отсутствуют работы, посвященные организации и деятельности отдела по делам горцев Кавказа, представительств Наркомнаца в автономных республиках и областях края. Многие историографические положения несут на себе печать революционной риторики первых лет советской власти и нуждаются в научном переосмысливании.

Интерес к начальному этапу обретения народами Северного Кавказа собственных национально-государственных образований и сопровождавших его мероприятий организационного и административно-территориального характера обозначился уже в первые пореволюционные десятилетия. Издания того времени, посвященные различным вопросам истории и развития северокавказских автономий, зачастую носили попу-

лиризаторский характер и сосредотачивались на тех огромных политических и хозяйственно-культурных изменениях, которые произошли в жизни горских народов с обретением ими национально-государственных образований.

Наличие достаточно объемного историографического материала по данной проблеме, а также содержательная схожесть многих исследований определяет целесообразность его анализа, прежде всего, по проблемному принципу. Более того, некое концептуальное единство, прослеживающееся в понимании самого процесса и характера национально-государственного строительства на Северном Кавказе вплоть до начала 1990-х годов, диктует необходимость выделения основных направлений в его осмыслиении. К ним следует отнести такие сюжеты, как организационные формы национально-государственного строительства, причины их подвижности и изменчивости, характер и конкретный комплекс задач, призванных решаться определенными видами автономий в тот или иной период времени развития советского государства.

Для народов Северного Кавказа процесс национально-государственного строительства в форме непосредственного предоставления им отдельных автономий начался в 1921 году и совпал с распадом Горской автономной республики по этногеографическому признаку. Начало этому процессу положил выход Кабарды из ее состава, который и повлек за собою пересмотр остальными национальными округами своего положения в полигэтнической автономии. В литературе существуют различные точки зрения, обосновывающие причины необходимости создания самостоятельных автономий народов, составлявших Горскую республику. Среди наиболее значимых причин исследователями называются следующие: Горская республика так и не смогла полностью преодолеть имевшееся между народами межэтническое отчуждение; мероприятия общегосударственного характера нередко воспринимались отдельными народами как ущемление их национальных интересов; при почти одинаковом уровне развития народов, особенности их экономического, политического и культурного состояния, степень классового расслоения имели немало и отличий.

Исходя из отмеченных причин, создание самостоятельных автономий традиционно рассматривается исследователями, как форма федеративного устройства, способная обеспечить наиболее благоприятные условия для учета особенностей каждого народа, а также перехода задержавшихся в своем развитии национальностей к социализму, минуя капитализм. Вместе с тем, подчеркивается, что именно наличие автономий наилучшим образом отвечало задачам «укрепления дружбы и братского сотрудничества народов».

В данной связи обращает на себя внимание одно примечательное обстоятельство. Несмотря на определенные расхождения во взглядах исследователей на причины и сам процесс создания автономных образований в регионе, практически все они единодушны в признании закономерности, отличавшей национально-государственное строительство в целом. Она, как правило, сводится к констатации того факта, что «советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное; она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития». Инициатива создания самостоятельных автономий в ней отводится «широким массам трудящихся при поддержке центральных органов власти».³⁰

Однако, как свидетельствует историографический опыт, данное положение едва ли способно выдержать проверку на теоретическую прочность при столкновении с реальной действительностью того времени. С определенной долей условности оно еще способно прояснить ситуацию при образовании первой многоэтнической автономии на Северном Кавказе – Горской республики. И то, только с оговоркой, что процесс ее создания инициировался в большей степени не народами, а конкретной обстановкой военного противоборства в регионе и принадлежал партии большевиков. Более того, преобразование национальных округов в самостоятельные автономии в большинстве случаев осуществлялось не по воле «широких народных масс», а по инициативе той же партии. Кстати, практически во всех исследованиях по истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе подчеркивается роль партийных организаций в создании автономий. Партия являлась не только организатором, но и разработчиком конкретных форм самостоятельности тех или иных народов, руководствуясь при этом собственными теоретическими представлениями и конкретными задачами построения советского государства. При этом нередко ее усилия объективно совпадали с устремлениями «управленческой элиты» этих народов, отражавшей, тем самым, «их волю и вековые чаяния».

Национально-государственное размежевание народов Северного Кавказа завершилось в 1924 г. Все горские народы региона были включены в соответствующие национально-государственные образования, основной задачей которых становилась «ликвидация фактического неравенства и обеспечение народам более широких возможностей собственного развития». В историографии до сих пор преобладает убеждение, что «образование национальных автономных областей на Северном Кавказе было про-

³⁰ Абулова Е. А. Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа (1917 – 1937 гг.). Дис... д-ра ист. наук. Пятигорск. 1986. С.145.

диктовано объективными потребностями самой жизни горских народов».³¹ Однако, как свидетельствует исторический опыт развития самого национально-государственного строительства в регионе, основную роль в нем сыграли потребности иного рода, связанные, прежде всего, с необходимостью упрочения позиций советской власти на Северном Кавказе. Именно решение данной задачи и вызывало к жизни различные формы национальной государственности, разное время их существования и специфические обстоятельства возникновения.

Вместе с тем, как справедливо замечает современный исследователь, «институционализация национальной государственности предполагает необходимость формирования достаточно четкой и устойчивой этнополитической и административно-территориальной конструкции. В условиях постсепаратистской северокавказской действительности этот вопрос представлял наибольшую трудность при решении проблем развития этнонациональной государственности».³²

Завершение процессов национально-территориального размежевания на Северном Кавказе, определение административных границ национальных автономий позволили приступить к практическому осуществлению экономического и культурного развития народов края. По оценке специалистов, именно «образование национальной государственности являлось политической основой ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народов».³³ В литературе неоднократно обращалось внимание на факты неразвитости классовой структуры населения Северного Кавказа, его преимущественно аграрный характер, отсутствие крупной промышленности, отрядов рабочего класса и национальной интеллигенции. Их переплетение придавало процессу революционных преобразований в крас особую остроту и обусловило его большую временную длительность.

Анализ социально-экономических и культурных преобразований, происходивших в национальных автономиях Северного Кавказа в первой половине 1920-х годов, позволил исследователям поставить и осветить целый ряд проблем. Детально исследованы мероприятия советского правительства по оказанию материально-технической, организационной и финансовой помощи народам края. Выявлены особенности первых социа-

³¹ Филькин В. И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики (1917 – 1936 годы). Грозный, 1969. С.19. Потоков Н. Н. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 20 – 30-е годы XX века. С.149.

³² Кажаров А. Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 - первая половина 1920-х гг.). С.3.

³³ Напсо Д. А. Партийная организация Карачаево-Черкесии в борьбе за подъем экономики и культуры области (1920 – 1940 гг.) // По ленинскому пути. Партийная организация Карачаево-Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963. С.107.

листических преобразований в горском ауле, процессов становления промышленности, формирования национальных отрядов рабочего класса и интеллигенции.

Однако, несмотря на введенный в научный оборот солидный пласт источников – архивных документов, статистических данных, материалов периодической печати тех лет – практически все изменения того времени авторы сводят к количественным показателям. Конечно, они достаточно наглядно свидетельствуют о некотором росте материального благосостояния населения автономий, появлении новых областей его экономической и культурной жизни, но ничего не проясняют относительно их органичности бытовому и хозяйственному укладу жизни самих народов. Не стали предметом комплексного изучения историков и социально-демографические последствия этих преобразований, возрастание социальной мобильности северокавказских народов и ее воздействия на положение автономий.

Более того, в литературе не поднимаются и вопросы о той роли, которую действительно сыграло предоставление народам Северного Кавказа самостоятельных автономий в усилении темпов их экономического и культурного развития. Горская республика, по признанию большинства исследователей, исчерпала свои созидательные возможности и уступила место новым формам организации политической жизни северокавказских народов. Однако вопросы о том, насколько эти формы в первой половине 1920-х годов отвечали чаяниям и ожиданиям народов и их политической элиты, в историографии, за редким исключением, не ставятся и не исследуются. Представляется, что обращение к данным сюжетам способствовало бы изучению поставленной проблемы на качественно ином содержательном уровне. В частности, более серьезное освещение получили бы и проблемы многочисленных конфликтов между автономными образованиями и центральными органами власти по поводу материальной поддержки национальных образований, предпочтительности тех или иных форм строительства в них основ социализма.

Четвертая глава – «Автономии в составе Северо-Кавказского края: проблемы исследований» – посвящена анализу историографического осмысливания оценок административно-территориального размежевания в регионе, его причин и социально-экономических последствий.

В главе отмечается, что в историографии детально освещены и сам процесс административно-хозяйственных преобразований в стране, и реформа районирования одной из ее наиболее многоэтнических частей – Юго-Восточной области. Определены основные направления и принципы реформы, особенности их реализации в регионе. Вместе с тем, в литературе прослеживается тенденция некоторого приуменьшения ее значимости для дальнейшего национально-государственного строительства. Зачастую

создается впечатление о подчиненности процесса районирования национально-территориальному размежеванию на Северном Кавказе. Представляется, что данные процессы являлись взаимодополняемыми по отношению друг к другу. Более того, детальный анализ многочисленных вариантов районирования Юго-Востока России свидетельствует о том, что реформа являлась одной из немногих попыток правящей власти отказаться от решения национальных проблем за счет территориальных вопросов.

Приоритет хозяйственных интересов и потребностей совершенствования системы управления привел к образованию нового административно-территориального объединения, включавшего в свой состав национальные автономии. Их неудовлетворенность собственным правовым положением потребовала разграничения полномочий краевых и общефедеральных властей. Федеральный центр становился главным арбитром в разрешении спорных вопросов между автономиями и краевым руководством. Со временем руководителей автономий перестанет удовлетворять подобное положение дел. Однако на тот момент времени именно благодаря их включению в состав края были решены как экономические задачи развития автономий, так и вопрос об их административно-территориальной целостности.

Проблема административно-территориального размежевания народов Северного Кавказа как самостоятельное исследовательское направление формировалось на протяжении не одного десятилетия. Практически все работы по истории национально-государственного строительства в регионе затрагивают и вопросы административно-территориального обустройства народов. Такой тесной историографической взаимосвязи способствовала и сама практика решения национального вопроса советским государством, сдвинувшаяся к приближению административных границ к территории расселения народов.

Показательно, что в течение достаточно долгого времени в специальной литературе подобная практика не только не подвергалась сомнению, но и находила теоретическое обоснование. Исследователи, опираясь на анализ ленинских работ и решений партийных и советских съездов, с удовлетворением констатировали «справедливое разрешение многих территориальных проблем, доставшихся народам от царистского прошлого». Следует отметить, что различные споры и конфликты, возникавшие между соседними народами по поводу принадлежности тех или иных населенных пунктов, никак не сопрягались с национальной политикой советской власти и относились на счет «колониальной завоевательной политики Российской империи».

При этом обращает на себя внимание и тот факт, что «подход, учитывающий территориальный фактор, был своего рода отклонением и не влился в общую официальную историографическую концепцию нацио-

нально-государственного строительства на Северном Кавказе».³⁴ Об этом, в частности, свидетельствует и отсутствие в литературе внятного объяснения тем преобразованиям, которым неоднократно подвергались различные населенные пункты, земельные и настбищные угодья в процессе уточнения их административной принадлежности. Вероятно, что при должном учете данного фактора получили бы свое прояснение многие вопросы, связанные с образованием объединенных автономий и те внутренние административно-территориальные изменения, которые непрерывно шли в автономиях края.

Все административно-территориальные преобразования, проводившиеся в 1920-х – середине 1930-х годов в регионе, рассматривались и продолжают рассматриваться исследователями в качестве мероприятий главным образом хозяйственного назначения. Внутреннее районирование, начавшееся в автономных областях после уточнения их внешних границ, выявило и достаточно болезненную проблему острой нехватки земли в самих автономиях. В условиях Северного Кавказа она «начинает звучать как проблема спорных территорий и межэтнических противоречий».³⁵ Практически все автономные образования оказались многонациональными по составу представленного в них населения. Поэтому их административно-территориальное устройство погребовало приближения к этническим границам так называемых внутренних меньшинств.

Анализ современной историографии свидетельствует о том, что в осмыслении проблемы административно-территориального переустройства этногеографического пространства Северного Кавказа произошли ощущимые перемены. Она все чаще начинает рассматриваться исследователями в качестве одного из приоритетных направлений национальной политики советской власти в регионе. С ее разрешением (или не разрешением) большинство из них связывает успехи и неудачи национально-государственного строительства в целом.

Соответственно, меняются и представления о причинах, вызывавших к жизни подобного рода изменения. Если ранее историки относили их преимущественно к необходимости осуществления социально-экономических преобразований в национальных районах края, то теперь они нередко указывают на хозяйственную неэффективность последних (Н. Ф. Бугай, И. Б. Лилигова). Среди основных причин постоянных административно-территориальных изменений на Северном Кавказе в 1920 – 1930-е годы называются стремление советской власти к созданию, с одной сто-

³⁴ Кажаров А. Г. Кабарда и Балкарья в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа. С.5.

³⁵ Кажаров А. Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик. 2000. Вып. I. С.7.

роны, более однородных в этническом отношении автономий, а с другой – признания им атрибутов полноценной государственности.

Вместе с тем, начиная с 1990-х годов, усиливается интерес исследователей к личностному фактору в данных процессах (работы В. Д. Дзидзоева, Ф. А. Атаевой, А. Х. Борова). Активно пересматривается роль в них, прежде всего руководителей национальных образований, анализируется степень осознанного участия народа в происходивших преобразованиях, созвучности данных изменений сложившимся в регионе образу и укладу жизни его полиглоссического населения.

Однако, несмотря на расширение предметного поля исследований в этом направлении, введение в научный оборот новых источников, наблюдается некий консерватизм в переосмыслении многих сюжетов самой проблемы. Особенно он характерен для региональной историографии, что, не в последнюю очередь, обусловлено и теми реальными последствиями административно-территориальных преобразований, которые обеспечили саму возможность хозяйственного и культурного развития народов Северного Кавказа.

Вхождение национальных автономий в состав Северо-Кавказского края, по заключению большинства исследователей, ускорило решение тех социально-экономических и политических задач, которые стояли перед советским государством во второй половине 1920-х годов. В специальной литературе неоднократно отмечались факты значительной и разносторонней помощи, оказываемой краевым комитетом партии «местным партийным организациям в создании и упрочении экономической базы национальных районов Северного Кавказа».³⁶

Происходившие в тот период времени изменения исследователи, как правило, связывали с общим процессом «социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР». Внимание специалистов привлекали такие масштабные сюжеты, как коллективизация сельского хозяйства и индустриализация, проблемы организационно-хозяйственного укрепления колхозов и производства в целом, завершение культурной революции и рост материального благосостояния трудящихся. Достигнутые в этом направлении успехи лишь немногие из них напрямую связывали с усилившейся материально-технической поддержкой со стороны советских и партийных организаций края, хотя и признавали ее несомненную роль.

Историография этой проблематики начала формироваться уже в 1930-е годы. Одной из ее особенностей следует признать то обстоятельство, что тема оказалось прочно «вписанной» в более широкий пласт про-

блем, сопряженных с социально-экономическим и культурным развитием национальных автономий в 1920 – 1930-е годы. Данная особенность и предопределила свою соответствующий круг анализируемых исследований, как общего, так и специального характера, в той или иной степени отразивших преобразования в национальных автономиях рассматриваемого периода времени.

В изучении проблемы сложились определенные приоритетные направления исследований, в научный оборот введен и продолжает вводиться значительный пласт источников, позволяющий ставить и решать вопросы экономического, социального и культурного развития народов региона, их достижений и проблем в этих областях. Вместе с тем, обращает на себя внимание и некая исследовательская консервативность в изучении того комплекса проблем, который традиционно именуется «социально-экономической и культурной сферой жизни общества». Как правило, исследования в этом направлении, за редким исключением, ограничиваются количественными показателями роста промышленного и сельскохозяйственного производства, а также культурного развития народов. Предметом внимания специалистов, в силу сложившихся традиций отечественного историописания, не стали те качественные изменения, которые произошли в образе жизни народов края, их мировосприятии и того места, которое они стали занимать в советском обществе первого пореvolutionного десятилетия.

В данной связи представляется не случайным и тот факт, что изменения, происходившие в национальных автономиях Северного Кавказа на протяжении 1920 – 1930-х годов, не связывались специалистами с теми административно-территориальными образованиями, которые создавались в те годы. Народы края воспринимали любую помощь со стороны краевых органов власти как поддержку центрального советского правительства. И поэтому любые ограничения, препятствовавшие этой прямой связи, расценивались ими в качестве преграды, посягавшей на их новый статус.

В заключении формулируются общие выводы, полученные в результате исследования проблемы становления советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. Отмечается ее тесная взаимосвязь с официальной идеологией и основными направлениями развития исторического познания в целом. Подчеркивается определенная преемственность, наблюдающаяся в осмыслении современной историографией многих ключевых положений проблемы и опытом их решения предыдущими поколениями исследователей. Представляется, что на основе диалога современного знания и наиболее конструктивных идей советской исторической науки и будет осуществляться дальнейшее развитие историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

³⁶ Абдулова Е. А. Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа (1917 – 1937 гг.). С. 199.

**Основные положения диссертации
изложены автором в следующих публикациях:**

I. Монографии и брошюры:

1. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: ООО «Качество», 1997. 127 с.
2. Советская национальная государственность: понятие, природа, образ. Майкоп: ООО «Аякс», 2001. 68 с.
3. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: ООО «Качество». 2002. 167 с. (в соавторстве).
4. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917 – 1937 гг.: проблемы историографии. М.: Издательство МГОУ, 2003. 268 с.

II. Статьи и материалы конференций:

5. Большевистская модель решения национального вопроса на примере горских народов Кубанской области // Национальные отношения в СССР: проблемы историографии. Материалы научной конференции. М., 1992. С.56 – 62. Деп. № 47503 от 30.12.92.
6. Национальные проблемы историографии российских автономий 1988 – 1990 гг. // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С.6 – 43 (в соавторстве).
7. Горские народы Кубанской области: большевистская модель решения национального вопроса // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы) Майкоп. 1992. С.52 – 63.
8. Адыгские народы Кубанской области: проблемы советизации (начало 20-х годов) // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С.100 – 112.
9. Этнически маркированная конфликтность: возможности и перспективы культурологического анализа проблемы // Неделя науки МГТИ. Материалы первой научно-практической конференции. Майкоп, 1996. Вып. 1. С.145 – 147.
10. Герменевтика исторического процесса // Материалы первой конференции Адыгейского регионального отделения российского психологического общества. Майкоп, 1996. С.3 – 4.
11. «Нам не дано предугадать...»: к проблеме смыслопонижения исторического события // Проблемы речевого воздействия. Материалы всероссийской научной конференции. Ростов-на-Д., 1996. С.52 – 54.
12. Проблемы Великой Отечественной войны в контексте «социальной направленности» исторических исследований: срезы историографии //

- 50 лет Великой Победы. Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 1996. С.144 – 153.
13. Проблемы советского строительства в Адыгее: состояние и возможности архивной базы данных // Проблемы развития архивного дела в Республике Адыгея. Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Государственного архива РА. Майкоп, 1997. С. 29 – 42.
 14. Влияние административно-территориальных преобразований на развитие национальной ситуации на Кубани (1920-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1997. С.3 – 9.
 15. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления автономии // Северный Кавказ на пороге XXI века. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 1998. С. 76 – 78.
 16. История как опыт прочтения прошлого // Филология и журналистика в контексте культуры. Материалы всероссийской научной конференции. Ростов-на-Д., 1998. Вып. 2. С. 30 – 32.
 17. Политика украинизации Кубани (1920-е – 1930-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1998. С.30 – 32.
 18. Советы и традиционное общество Юго-Востока Европейской России // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. Материалы международной научной конференции. М., 1998. С.270 – 282.
 19. Федерализм и проблемы территориальной целостности России // Политические процессы в условиях современной России. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С.193 – 195.
 20. Адыги Кубанской области в составе Российской империи (из опыта регулирования национальных отношений) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. Краснодар, 1999. С.132 – 134.
 21. Национально-государственное строительство: о некоторых теоретических особенностях исследования проблемы // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп. 1999. Вып. 1. С.23 – 29.

22. Антисемитизм на Кубани: опыт характеристики массового сознания пореволюционной эпохи // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. Вып. 2. С.148 – 154.
23. О природе кубанского сепаратизма (1917 – 1918) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2000. Вып. 2. С.172 – 177.
24. История как повествование: об особенностях организации и передачи исторического материала // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2000. С.55 – 58.
25. Административно-территориальные автономии Юго-Востока России: понятие и сущность // Неделя науки МГТИ. Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 2001. Вып. 4. С.26 – 28.
26. Исторический источник как условие постановки и решения научной проблемы // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных статей. Майкоп, 2001. Вып. 3. С.30 – 37.
27. Административно-хозяйственные преобразования 1920-х годов: поиски приоритетов // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, Славянск – на – Кубани, 17 – 20 октября 2001 г. Краснодар, 2001. С.212-214.
28. Советская национальная государственность: понятие и его образы (статья первая) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. С.25 – 32.
29. Проблемы государственного устройства и деятельность органов власти в Адыгее (февраль – октябрь 1917 г.) // Народы и власть в истории России: проблемы исследований. Сб. научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н. Ф. Бугая. Майкоп, 2002. С.59 – 69.
30. Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа: состояние и проблемы исследований // Народы и власть в истории России: проблемы исследований. Сб. научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н. Ф. Бугая. С.135 – 155.
31. 1917 год на Кубани: живая история в исторических источниках // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002. Вып. 1. С.14 – 22.
32. Казачество в межнациональных отношениях на Кубани (февраль – октябрь 1917 г.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002. Вып. 1. С.118 – 122.
33. Почти невыдуманная история: несколько дней из жизни председателя станичного ревкома // Диалоги с прошлым: исторический журнал. Майкоп, 2002. Вып. 2. С.50 – 54.

34. Национальная историческая мысль в годы войны и первое послевоенное десятилетие // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории. Материалы международной научной конференции с международным участием. 28 – 30 мая 2002 г. Майкоп, 2002. С.369 – 374.
 35. Северокавказские национальные движения в революции 1917 года: проблемы исследований // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2002. Вып. 5. С.46 – 61.
 36. Кассовая книга Гатлукаевского аульного общества как источник по социальной истории Адыгеи (1917 – 1919 гг.). // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2002. Вып. 5. С.220 – 224.
 37. Профессиональная историография и региональный компонент в формировании новой школьной истории // Философско-исторические основы общего образования в России. Материалы Всероссийской научной конференции 3 – 4 октября 2002 г. М., 2002. С.397 – 402.
 38. Горская АССР и ее роль в национальном самоопределении народов Северного Кавказа: историографический аспект проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2002. № 3 – 4. С.52 – 58.
 39. Казачество и проблемы национально-территориального размежевания на Северном Кавказе (1920-е гг.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2003. Вып. 2. С.63 – 70.
 40. Казачий вопрос и его разрешение на Северном Кавказе в 1920-е годы // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С.101 – 107.
 41. Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920 – 1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложение). 2003. № 4. С. 54 – 62.
- III. Тезисы докладов:**
42. Ментальное измерение истории: возможности использования судебно-следственных материалов // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 29 – 31 октября 1996 г. М., 1996. С.113 – 115.
 43. Национальное согласие и модель «естественной конфликтности»: проблемы научной мироориентации // Философские и религиозные

- проблемы современности. Тезисы докладов 2 межрегиональной конференции. Ставрополь, 1996. С.64 – 65.
44. Иногородние в Кубанской области: этнопсихологические особенности восприятия осваиваемой территории // Национальное возрождение России: теория и практика. Сб. статей и тезисов научно-практической региональной конференции. Ростов-на-Д., 1996. С.69 – 71.
45. Национальная политика и этнические конфликты на Северном Кавказе в 1920-е годы // Северный Кавказ в условиях глобализации. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2001. С.452 – 456.
46. Проблемы региональной истории в современном школьном образовании // Особенности развития образования в условиях полинационального города. Тезисы городских педагогических чтений. Майкоп, 2001. С.49 – 50 (в соавторстве).

Хлынина
Татьяна Павловна

**Становление советской национальной
государственности у народов Северного Кавказа.
1917 – 1937 гг.: проблемы историографии**

АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 16.09.03. Заказ №097. Тираж 100 экз. Усл.-п. л. 2,6.

Отпечатано в ООО «Лякс».
385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 243.